

ПРОПАЩИЕ ДУШИ

Рассказы

ДИМА ЧОКНУТЫЙ

Низкорослый старичок с реденькими рыжими усиками, аккуратно, на пробор, по старой моде, расчесанной головой, заросшей густым седым волосом, и с короткой, острым клинышком книзу, бурятской бородкой появлялся в Подлеморье ранней весной и бродил из поселья в поселье во всякую пору улыбчивый и как бы робеющий чего-то. При разговоре он опускал глаза долу и долго стоял так, как если бы дожидаясь, когда ему скажут:

— Ну, чего ты, старче? Шагай дальше...

А ему чаще так и говорили, вроде бы признавая за ним право поспешать к ему одному ведомому пределу. Но, бывало, что и приглашали в избу. Он никому не отказывал и с почтением раскланивался с хозяевами.

Никто не знал, отчего он каждую весну появлялся в Подлеморье и где проводил все остатнее время, покинув здешние места, когда Байкал начинал хмуриться и вздымать черные саженные волны, подгоняемые лютыми ветрами. Если прежде находились люди, которые хотели бы знать про это, то нынче никого из них не осталось. К горшему недоумению Димы Чокнутого, так его звали, они отошли в мир иной и уж не беспокоили расспросами, чаще добрыми и открытыми. Нынче редко кто спросит у него о чем-либо. Всем вдруг сделалось недосуг.

Побродив по Подлеморью чуть больше седмицы, Дима неизменно приходил в Пылровку, от нее было рукой подать до железнодорожного мостика, под которым он оборудовал себе жилье. Ну, может, это громко сказано, все ж какая-никакая крыша у Димы имелась. Он укрывался в том жилище, когда шел дождь или хлестал верховик, который ближе к осени делался несносен. И летом-то он вдруг вроде бы ни с того, ни с сего начинал буйствовать в кронах деревьев, а уж когда морские волны, растолканные непогодой, наливались свинцовой тяжестью, и вовсе не знал чуру. Дима всякий раз терпеливо дожидался, когда похолодает, да так, что уж и под мостиком у костерка, разложенного возле шустроногого узенького ручейка, упдающего со скалы, делалось невыносимо студено, и уходил, может статься, в районный городок, а может, еще куда?..

Мне порой казалось, что ручеек, убегающий к Байкалу, чем-то напоминал Димину спину, постоянно подрагивающую, грустновато-ссутуленную, как если бы от нервного тика, хотя это наверняка было не так, и причину тут надобно искать в другом. Чудно это и, пожалуй, не серьезно пытаться разглядеть что-то общее у горного ручейка с Димой. Но со мной и не то случалось, и тут уж ничего не поделаешь. Видать, я такой и есть, падкий на всякую разъедренность. А быть другим мне не хочется, да и поздно, пожалуй.

Я не сказал бы, что часто захаживал в гости к Диме. И не потому, что не хотелось. Как раз наоборот. Просто боялся помешать ему. К тому ж не люблю вталкиваться в чужую жизнь, а тем более, разгребать в ней, хотя иной раз и доводилось.

Я нынче рано пришел к Диме: не спалось, грустно сделалось почему-то, и не так, чтоб слегка, а на всю катушку, тут уж хоть криком кричи, не поможет. Да что толку от крика, пушай и сердечного. Нынче ведь как?.. Искричься ты, повырывай на голове волосы, никто и не глянет на тебя с участием, не спросит: «Что случилось, ты вроде бы как сам не свой?» Не скажет: «Может, подсобить тебе надо?..» В лучшем случае, поудивляется, ухмыльнется и пойдет своей дорогой. Да уж... Впрочем, чего меня понесло-то? Ну, может, в городе и так, а тут, в Подлеморье, пожалуй, не совсем так. Здешние люди еще не утратили искры в душе своей, не кинулись всем миром зашибать деньгу, будь она неладна!.. Кое-что осталось от душевности, которая раньше отличала жителей Подлеморья. Кое-кто из сильных мира сего не хотел бы, чтоб она удерживалась в сердцах, вот и норовил изгнать ее разными дурными придумками, да не всегда получалось. Видать, правы те, кто свыкся с этой жизнью, говоря со вздохом: «Что поделаешь? Поди, и впрямь, каждому овощу отпущен свой срок. А то время, когда люди тянулись друг к дружке, не ловча обмануть хотя бы и забродного чужака, кануло в лету. Ищи его! Жаль, конечно. Но да чего уж тут?..»

Ну, сорвался я с места и побрел по берегу Байкала как если бы вовсе не соображая, а пришел в себя, когда оказался возле железнодорожного мостика. Сел на обшитый зеленой тиной крутолобый валунок. Долго не мог ничего разглядеть в пещерке, где нынче жил Дима. Там стоял полусумрак. Он давил на глаза щекотно, должно быть, потому, что был густо замешан на дыме, которым тянуло от костерка. Дима разложил костерок близ огнисто-красного, видать, оттого, что тонкие лучи солнца с трудом, обламываясь в своей упругости, утрачивая в цвете и слабей, пробивались сквозь узкие щели, хлопотно звенящего ручейка.

Все ж чуть погода я увидел Диму. Он сидел у костерка и помешивал в нем тоненьким прутиком. На тонкоскулое худое лицо падали розовые тени, а не найдя опоры, скользнув по нему, растворялись в ближнем пространстве. Дима не тотчас, хотя я пару-другую раз кашлянул, обратил на меня внимание. Наверное, он глубоко ушел в свои мысли, которые, пожалуй, нельзя было назвать спокойными. А не то почему бы в лице у него наблюдалось напряжение? Оно сделалось чуть слабее, когда он увидел меня. Во всяком случае, мне так подумалось.

— А я ломал голову, — сказал Дима, — придешь ты нынче иль нет?.. Погодка-то дивно как разыгралась. Вон уж и тучки зависли над Байкалом, того и гляди, прольются дождем.

— Ага, — сказал я, слегка смутившись. И было отчего... Дима редко когда говорил так много, обычно обходился тремя-четырьмя словами. На белесом лбу, испещренном мелкими морщинами, выступили тонкие капельки пота. Видать, это оттого, что он разом произнес столько слов.

Какое-то время мы сидели молча. Я думал о Диме, о том, что мне нравилось встречаться с ним. Надо полагать, и нынешний мой приход был вызван отчасти и нечаянно всколыхнувшим меня желанием увидеть старого знакомого, которого в Подлеморье считали слегка повернутым, ну, как бы не в себе. Вон и жена моя, а она в общем-то относилась к Диме неплохо, при случае могла угостить его, подкормить, нынче, когда я уже вышел на крыльцо, гонимый нечаянно обжегшей меня грустью, сказала с ухмылкой:

— Небось, к приятелю под мосток наострился? Ну, давай, давай... Рыбак рыбака видит издалека.

Я был не согласен с теми, кто относился к моему знакомому как к человеку не от мира сего. А вы встречали людей, — я не говорю о тех, кто, подчиняясь злomu инстинкту, все хапает, хапает, но так и не насытится, — кто не поступал бы иной раз опрометчиво, но согласно с собственным желанием, хотя бы это и было для кого-то неприемлемо? И сказал бы: «Нет, пожалуй. Каждый по-своему с ума сходит». Но не скажу. Опасаюсь, не поймут, и меня запишут в чокнутые. У нас это просто.

Подле костерка подремывала сребротелая, лоснящаяся как если бы от нутряного жира змея. Она изредка подымала мордашку и со вниманием в мутно-желтых глазах поглядывала на хозяина. Не помню уж, с чего началась эта их странная дружба. Они все лето жили бок о бок, но ближе к зиме расставались. Змея уползала в свое логово, а Дима отправлялся в те места, где, должно быть, у него имелось еще одно пристанище, чтобы по теплу вернуться в Подлеморье. Тогда и змея выползала из своего убежища. Она признавала только Диму, на меня же не обращала никакого внимания, точно бы я для нее не существовал. А может, и в самом деле меня давно нет, а вместо меня к Диме приходит кто-то другой, заматеревший в летах, с длинным скуластым лицом и в стоптанных тапочках, натянутых на босу ногу? Может, и так. Но я тут же и оборвал себя, попеняв: «Во оглашенный, а? Что только не лезет в голову!»

— Ну, как ты?.. — чуть погода спросил я. — Как живешь-можешь?

У Димы заблестели глаза. Знаю, моему знакомому приятно, когда я прихожу и сажусь рядом с ним и, взяв прутик, увеселяю огонь, не даю ему увянуть. Изредка подбрасываю в костер смоляные черемуховые ветки.

— А че я?.. — сказал Дима, улыбаясь во все свое подвижное синюшное лицо. — Живу как могу.

Я уж запаматовал, о чем спрашивал, а когда вспомнил, подумал: «Нет, чтобы сказать: живу как хочу...» Вдруг разглядел на мокрой скальной стене высеченное на камне изображение не то разъяренного медведя, не то угрюмоватого, вдрызг раздосадованного бескормицей изюбра. Но изображение можно было принять еще за что-то, не имеющее отношения к земной жизни. И это смушало.

— Откуда рисунок-то?.. — спросил я. — Ведь вчера еще тут ничего не было. Я ж помню.

Дима помедлил, сказал негромко, как бы даже смущаясь:

— Не знаю. Но, должно быть, из моего сна.

— Как?.. — не понял я.

И тут Диму вроде бы прорвало. Он путано, подсобляя себе маленькими загорелыми руками, заговорил про то, что приснилось ему и обеспокоило. Непросто было уловить ход его мыслей еще и потому, что он постоянно терял нить разговора, часто перескакивал с одного на другое. И все же я понял, что так встревожило Диму. Конечно, понял не сразу. Ведь и я тоже заволновался, в какой-то момент и мне сделалось не по себе. Это, наверное, случилось, когда я окунулся в ту новину, что открылась мне. Зародилась опаска: а что если те существа, что пришли из Диминого сна и теперь теснились в ближнем пространстве, я почти физически ощущал их присутствие в тесном каменном мешке, заберут меня, и тогда я окончательно потеряю себя и стану невесть что, живому ли миру принадлежащее иль чуждое ему совершенно?.. Ах, как неуютно, как суетно неуютно на сердце, будто я уже утратил в душе своей!

Я, кажется, говорил, что Дима не любил и не умел складывать слова, а тем более произносить их вслух. Большую часть времени он бывал углублен в себя, тем и жил, что рождалось в душе, чаще смутное и горестное, отчего в глазах у него прописалась едва ли не постоянная грусть. Не дерзкая и упрямая, а тихая и ни к чему не влекущая, живущая сама по себе. Он, по-моему, уже давно смирился с нею и не хотел бы тут ничего менять. Надо сказать, к любым переменам, происходящим в нем ли самом, вокруг ли него, Дима относился с опаской. Потому, видать, его так взволновало изображение какого-то древнего животного, вдруг проступившее на каменной стене. И он не отыскал другого объяснения этому, которое не было бы связано с тем, что явилось ему во сне. А не найдя, поверил в то, что так это и случилось.

Да, Дима не любил говорить, обычно отмалчивался. И то, что нынче отошел от этого, оказалось для меня неожиданно и обдало тревогой, для появления которой вроде бы не было причины. Но так ли?.. Теперь бы я не сказал, что так. Ведь и раньше я замечал сдвинутость в Диме, что-то, чего не наблюдалось в нем прежде, а нынче сделалось видимо — пока только мной.

У ног Димы все так же подремывал щитомордник. Изредка он, как бы встрепенувшись, приподымал острую мордашку и обводил нас тяжелым взглядом, а не найдя ничего, что растолкало бы в нем, снова втягивался в дремоту. В свое время я говорил Диме, что не надо бы подпускать к себе змею: мало ли что?.. Но он только улыбался и не принимал моей опаски. В конце концов, и я привык к щитоморднику и уж не шарахался, когда он вдруг вскидывался, точно бы готовясь к прыжку, и снисходительно поглядывал на него, даже если тот шипел, должно быть, норовя отогнать меня.

Мы сидели с Димой у хилого костерка и старались понять в том изображении, которое обозначилось на сырой, в желтых травяных потеках, каменной стене. Но не получалось. Ни у меня, ни у моего приятеля. Я таки считал Диму своим приятелем, хотя нередко слышал не только в его, а и в мой адрес насмешливое:

— Чеканутые оба. И о чем толкуют, когда сойдутся?..

Может, и я разглядел бы в Диме такое, отчего отвернулся бы от него, но в том-то и дело, что у меня никогда не возникало подобного желания. Ну, а то, что он не походил на других, а порой способен был и вовсе сделаться как бы не принадлежащим ближнему миру, — ну и что с того? — я не видел в этом ничего худого: всяк да имеет собственную душу, и нельзя подравнять ее к чему-то чуждому ее естеству.

А потом мы поднялись и вышли из-под железнодорожного мостика. Нас облило густо замешанным на лесных травах солнечным светом, отчего мы зажмурились и какое-то время пребывали в нерешительности. Через минуту-другую Дима вскинул голову и сказал дрогнувшим голосом:

— Господи, хорошо-то как!..

Чуть погодя мы увидели на синей волне черный кораблик. Непонятно, откуда он появился: мгновение назад море было пустынное и прозрачное. Как и небо. Чайки и те куда-то подевались и уже не вскрикивали хлопотно. Гнетущая тишина зависала над ближним пространством. От нее в ушах делалось садняще и больно. И тревога, что нынче посетила меня, а потом отступила, снова завладела мною. Я не понимал, отчего она всколыхнула на сердце, и досадовал. Не знаю, заметил ли Дима эту досаду, нет ли, иль просто уловил перемену в моем настроении, и она, противная тому, что совершалось в природе, не понравилась ему, и он, хотя и не без смущения, сказал негромко:

— Ты че, а?.. Ить такая ладная нынче погода!

Дима был способен заглянуть в чужую душу и отметить там нечто, не увиденное другими, и всякий раз старался подсобить человеку. Это не всем нравилось. Случалось, обзывали его занудой, говоря:

— Че те надо? Че лезешь в душу, когда не просят?

Было. Много чего было связано с Димой, а все потому, думаю, что он ни от кого не таился. Он и сам не однажды, глядя невинными глазами, говорил, что не хотел бы никому мешать, но не получалось, вдруг да и углядывал в ком-либо тоску ли, отчаянье ли, обиду ли немереную. И так-то тянуло в те поры помочь человеку, отвести от него горестную неудобину.

— А не то пошто бы? Стал бы я?.. — вздыхал он, отведя в стороны короткие круглые руки. — Как же я мог поступить по-другому, а?..

— А ты пробовал по-другому? — спрашивал я.

Он привычно опускал глаза.

А кораблик меж тем покачивало на несильной волне, подталкиваемой упдающим со снежных гольцов шаловливым верховиком, подтаскивало к берегу.

Я смотрел на кораблик и недоумевал: «Отчего он черный? Да не просто черный, а ослепительно черный?..» Не мог припомнить, чтоб раньше видел такой кораблик. Странно было и — беспокойно на сердце. Краем глаза заметил, что и Дима чувствовал себя не в своей тарелке. И в нем ворохнулось что-то, сдвинувшее с места его понимание происходящего, которое отличалось постоянством и уверенностью, что все будет ладно, даже если нынче и не клеится.

Я уж хотел помахать тем, кто плыл на кораблике, но рука отказалась подчиняться и не поднялась. Наверное, потому и не поднялась, что на облитой нежарким утренним солнцем узкой палубе никого не было. «Куда же попрятались морячки?..» Спросил бы про это, если бы лицо у Димы вдруг не побледнело. Кораблик не доплыл до